

Л. С. ШЕПТАЕВ

„Послание дворительное недругу“

(Посадская сатира XVII века)

Указанное в заглавии произведение находится в рукописном сборнике середины XVII века из собрания б. Троице-Сергиевой лавры № 808 (1008), хранящемся в Государственной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Послание помещено в конце сборника в составе письмовника XVII века, имеющего следующее заглавие: „Сказание и начертание епистолиям от божественных писаний своим любезнейшим братьям или сродником, також и ко всякому человеку“.¹

Как и во всяком письмовнике той поры, в сборнике помещены довольно пространные витиеватые зачины писем, целые образцовые послания того времени, выдержанные в „высоком“ книжно-литературном риторическом стиле. В отличие от других письмовников той эпохи, здесь разнообразнее самый отбор адресатов, и послания лучше раскрывают социально-бытовые отношения эпохи: помещены не только послания к другу, к учителю, к отцу, но и к матери-вдове, к тестю. Даже в заголовках заметно стремление переписчика точнее дифференцировать назначение письма и охарактеризовать его эмоциональное содержание. Таковы послания: к другу любительному, к другу бывшему, к другу грамотею, к другу в полк и т. д. В самых заглавиях наблюдаются живые бытовые интонации: к другу сердешному, к отцу родному.

„Послание дворительное недругу“ находится в середине письмовника (лл. 281—283) и представляет собою не схематический зачин, а живое произведение эпохи с конкретно бытовым содержанием и идейной направленностью, примыкающее к городской посадской сатире XVII века. Оно написано в стихотворной форме.

Палеографические признаки рукописи „Послания дворительного“ подтверждают указанное время его создания — середина XVII века. Флигрань бумаги также соответствует этой датировке. Водяные знаки первых 14 листов данного письмовника — кувшинчик с короной, с розеткой, с полумесяцем наверху и различными знаками на широкой его части: 1) лл. 265—267 — цифры (испорченный старый знак — 28 или 29); 2) лл. 273—275 — цифры 29, может быть 22; 3) на лл. 280, 281, где идет текст „Послания дворительного“, — буквы $\frac{PR}{T}$. Близко сходные изображения кувшинчиков (повсюду с другими буквами) имеются

¹ Этот сборник описан в книге „Описание славянских рукописей библиотеки св. Троицкой Сергиевой лавры“ (ч. III, М., 1879, стр. 259).

в альбоме Тромонина и относятся: 1) №№ 1122 и 1123, судя по цифрам, к 1628 или 1629 г.; 2) № 1162, судя по цифрам, к 1629 или к 1622 г., № 1212 — к 1636 г., № 1763 — к 1626 г., №№ 1170 и 1172 — к 1638 г.

Из подбора материалов в сборнике можно судить о социальном положении его владельца. Средняя, более ранняя часть сборника (листы 14—264) составлена, по всей видимости, монахом. Здесь помещены следующие материалы: „О покаянии“ (л. 20), „О пострижении и о начале иноческого жития“, так называемое „Старчество, или правила монашеской жизни“ (л. 23 об.), „Исповедание иноческое“ (л. 156). Другая группа статей в этой части также относится к культовой литературе.

Позднейший переписчик, кроме письмовника (в конце), добавляет сюда, в начало сборника, подобные церковные же материалы, например „Чин, како подобает кадило держати“ (л. 11 об.). Почерком второго владельца скреплены первые, позднейшие листы сборника; надпись по листам гласит: „Сия книга, глаголемая Старчество черного диякона (место с именем оторвано) Борисоглебского монастыря, что в Дмитрове на посаде“.

Нет основания искать конкретных автора и адресата данного послания; самый жанр послания здесь только имитируется своеобразным сатириком того времени. Однако „Послание дворительное“ отразило в своем тексте немало черт, типичных для общественных отношений своего времени.

Автор изображает себя человеком, который по своему общественному положению ниже адресата, находится в зависимости от адресата, но зависимость эта непохожа, например, на зависимость крестьянина от помещика. Ничего характерного для сельских феодальных отношений в „Послании“ нет, напротив, есть признаки городского происхождения „Послания“. Особенно существенно в этом отношении настойчивое употребление в „Послании“ местоимения „мы“ — множественного числа от лица автора во второй половине „Послания“. „У нас убежишь (строка 34), ...нам дай сроку... И мы, как здумаем, и тебе... пошлем... пожалуй к нам в гости... мы тебя не ждем... ворота запираем... А хлеб да соль у нас... на воротах...“ (строки 44—50). Вся социально-бытовая обстановка исключает здесь перенесение автором на себя позднейшей вежливой формы обращения множественного числа — „Вы“, с которой тогда не адресовались ни к каким вышестоящим лицам вплоть до патриарха или царя. Это „мы“ характерно для города, для посада, в котором „мир“ в XVI—XVII веках уже не представлял собой социально-однородного целого. Небольшая кучка богатеев держит в кулаке общину — „бедных и должных людишек“. Однако „мир“ трудовой части посада противопоставлял тогда себя всему остальному городу — беломестцам, соседним светским и духовным землевладельцам, а также государственной власти. Посадская община часто выступает в актах XVI и XVII веков как единое юридическое лицо,¹ и „мы“ в этом случае не обмолвка, не случайность в устах автора. Он пишет от имени коллектива социально-однородных членов трудовой части посада.

Самое название „Послания“ — „дворительное недругу“ указывает на пародийность его замысла. В нем выражено ироническое противоречие.

¹ См., например, в книге П. П. Смирнова „Посадские люди“ (т. I, Изд. АН СССР, 1947, стр. 253, 263, 271 и др.).

Смысл слова „дворити“ — служить, услужить.¹ Следовательно, послание „услужливое“, но — врагу. Самая морфология слова „дворительное“ выступает сатирически на фоне риторически-пышных и сентиментально-условных „любительных“, „утешительных“ и „учительных“ посланий в письмовниках XVII века. „Послание“ проникнуто иронией, полно кажущихся противоречий. С одной стороны, адресат настойчиво называется „господином“ и даже „моим господином“, а с другой, — „Послание“ в целом является прямой сатирой на адресата, подчеркивает самые непривлекательные стороны его личности. Автор делает вид, что испытывает страх перед „господином“, подчеркивает социальное расстояние между ними („Ехати к тебе не смею“, „мало послати к тебе не смею“, отсюда употребление униженно-вежливых оборотов: просит „пожаловать“ ему его собственную рожь, просит „смиловаться“ отдать ему долг) и тут же заявляет:

И яз твоего величества не боюсь —
И впредь тебе пригожусь.

В действительности никакой приниженности и зависимости автор перед адресатом не испытывает. Адресат сам в свою очередь зависит от просителя, связан с автором какими-то постоянными отношениями. Возможно, что кредитор принадлежал к числу посадских ремесленников, в услугах которых нуждались и представители господствующего класса.

Грамотность среди посадского населения не была таким редким явлением, как в деревне, уже и в более ранние эпохи, что доказывает, например, находками берестяных новгородских писем.² Среди ремесленного посада в XVII веке были специалисты, обладавшие определенными знаниями и практическими навыками в области письменной культуры. Важно учесть общественные настроения этих людей, а также незаурядность и культурный уровень отдельных представителей посада. Так, М. Н. Тихомиров в книге „Псковское восстание“ говорит, что нередко представители посада становились в резкую оппозицию существующему строю. Тихомиров выделяет одного из вождей псковского восстания, Томила Слепого, как чрезвычайно одаренного человека в области литературного мастерства.

„Послание“ пародирует челобитную, повторяя формулировки, типичные для деловых бумаг XVII века, обращенных к „власть имущим“: „челом бью“, „тебе б пожаловати“, „милость окажи“, „ты нам дай сроку“.

По складу своего характера адресат — человек крутого нрава, с повадками распоряжаться и с привычкой к безграничному повиновению; возможно, он из подьячих, непосредственных исполнителей воли дворянского государства, волокитчиков и вымогателей, которых ненавидел народ.

¹ См. у И. И. Срезневского (Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III): „дворити, дворию — служить, услуживать. А княжым людем, или подвоским ездит дворит, а езд имати 10 верст денга (Псков. Суд. гр-та)“. Ср. у Даля: „дворити что кому, безличн. счастливить, удаваться, приносить счастье, пользу; спорить итти впрок. Не дворит тебе у нас в дому — хвораешь, не дворит тебе лошадка (не ко двору пришлась). Подворит ли нам счастье? (Ко двору ли будет? Прислужит ли?). Не подворится ему тут, не подворит (Не будет удачи, не обживется)“.

² А. Арциховский. Новые открытия в Новгороде. Вопросы истории № 12, 1951.

„Послание дворительное недругу“ носят черты социальной сатиры. В первой половине XVII века, в эпоху городских движений, оно было злободневным памфлетом, повидимому переписывавшимся и распространявшимся. Наряду с „Азбукой о голом и богатом человеке“, „Послание“ раскрывает принижено-бесправное положение человека из народа, разоблачает классовую несправедливость и бичует пороки приказно-бюрократического аппарата государства. Лихоимство представлено в нем в форме займа. Если брал займы человек, стоящий на феодальной лестнице выше дающего, то это часто было равносильно пропаже одолженного. Народные пословицы оставили нам четкие следы типичности подобных случаев: „Сильнее себя займы давать — добро терять“ (Даль). Даже о торговых расчетах с сильным предостерегает пословица: „Большому барину добро отдай, а деньги после“ (Даль). И дело здесь именно в социальной дистанции: „Что не лучше (больше) барин, то хуже долг платит“ (Даль).

Это отношение народа к „сильным“ должникам и раскрывается подробно во второй части послания.

В контраст обидчику в сатире дан образ разоренного человека, хотя, может быть, и не соответствовавший подлинному положению данного челобитчика.

В третьей части (строки 37—46) снова ставится вопрос о взяточничестве, но в другой его форме — в виде „гостинцев“.

Гостинцами обменивались тогда во всех слоях русского общества. И этот стародавний обычай русских людей тоже нередко использовался как форма взятки. „В Послании“ речь идет именно о посулах под видом гостинцев. Послание издевается над неразборчивостью адресата („ты все обреешь“). Слово „обречь“ на Урале до настоящего времени бытует как эмоциональное выражение, обозначающее — быстро съесть, сожрать дочиста. Взятчик не придерживается порядка, не знает чувства меры в своих претензиях на посулы („чести не знаешь“). Взятчик может даже оскорбиться на малые размеры взятки. У взяточника приходится смиренно выпрашивать сроки, чтобы придумать взятку. Издевка здесь идет не только над явлением взяточничества, но и над самой его формой: „И мы, как думаем, и тебе что-нибудь пошлем“.

Приглашая этого взяточника в гости, автор уже открыто издевается:

Да пожалуй к нам в гости ни ногою,
И мы тебя не ждем,
И ворота запираем.
А хлеб да соль у нас про тебя на воротах...

(Смысл последнего выражения: „Поцелуй пробой, да ступай домой“). Изображаются издевательски заботливые хлопоты о месте и условиях сна для „дорогого“ гостя. Такая тема и такая сатирическая ситуация получают свой исторический смысл на фоне жалованных грамот посада XVI—XVII веков, в которых посадским людям наряду с различными экономическими и юридическими правами давалось, например, право не впускать воеводу и приказных на посадские пиры и братчины.

Литературно-художественные особенности „Послания“ ведут нас также к крестьянско-посадской сатире XVII века. „Послание“ появилось на почве живого и образного народного языка, причем оно использовало и фразеологию устного народного творчества той поры. Послание строится на языке, типичном для затейливых скоморошских речей с их иронической двуплановостью, с неожиданными переходами

из одного плана в другой. На той же игре строится „Лечебник, как лечить иноземцев“, где из-под личины лекаря вдруг проглядывает скomorox: „А буде от животной болезни дается ему зелья, от которого на утро в землю“.¹

На раскрытии подлинных причин строится комическая игра и в „Азбуке о голом и не богатом человеке“: „Ехал бы я в гости, да не на чем и никуда не зовут“.² На подобных же переходах часто строится и пословица: „Аз пью квас, а если вижу пиво — не пройду его мимо“.³ Или же пословица начинается дидактически, а заканчивается скomorошьей выходкой: „Еремея потчуют умея: взяв за ворот, да взащей“.⁴ В Калязинской челобитной так же убедительно передана маска смиреномудрия, благочестивой преданности заветам церкви и последующее затем саморазоблачение веселых „питухов“ XVII века.

Искусство сатиры раскрывается в умении унизить и представить врага в самых неловких и смешных положениях.

В ряду этих сатир „Послание“ выделяется отсутствием гротеска и прямыми бранными оборотами; основным средством сатирического изображения является в нем ирония.

Лексический состав „Послания“, как и в большинстве сатир XVII века, лежит в речевых нормах русского просторечия. Вот, например, слово „доспеть“ („Еще тебе, господине, добро доспею“). И. И. Срезневский раскрывает его значение на книжном материале — предупредить, успеть; собираться, приготовляться. Даль же объясняет это слово, исходя из устно-разговорной традиции. Значения этого слова — сделать, сработать, устроить, изготовить, смастерить, состряпать. Например: „У нас мастера всякие есть, все доспеют, что надо“. „Я что доспел тебе, почто бранишься? Что я худого сделал?“. Нетрудно видеть, что „Послание“ берет это слово в народном смысле.

Пожалуй, пожаловать. („Да пожалуй к нам в гости ни ногою“, „И ты, пожалуй, на нас не пеняй“, „А тебе б пожаловати та моя рожь отдать“). Даль: пожалуй, пожалуйста, пожалуйста — прошу, сделай одолжение (Оно бы, пожалуй, и ладно, да не отвечать бы после).

Надсадить („И людей насмешишь, а себя надсадишь“). Даль: надсаживать, надсаять, надсаждать, надсадить; надрывать, вредить с чрезмерным напряжением (Горячую лошадь недолго надсадить).

Пенять („И ты, пожалуй, на нас не пеняй“). Даль: пенять кому, за что — корить, выговаривать, упрекать, изъявлять неудовольствие (... после не пеняй на меня).

Добавим сюда еще такие слова, как гвоздие (гвоздьё), недостаток, полатиться, останошню, докуду, здрожишь и пр.

Народное выразительное слово характерно также и для пословиц, с которыми словарь „Послания“ нередко совпадает, употребляя отдельные слова и выражения в том же одинаковом с пословицами смысле, с теми же оттенками значения. Например, глагол опрети — в саркастически-снижающем смысле. „Послание“: „Шубою тебя одети — и тебе

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки сатирической литературы XVII в. М.—Л., 1937, стр. 248.

² Там же, стр. 23.

³ Пословицы всенароднейшие, № 60.

⁴ Там же, № 828.

опрети“. Пословицы: Преедет от многих бед¹. Дело его не спеед,— преед.²

Кляча — иронический оттенок, рассчитанная насмешка над лошадей и над владельцем ее. „Послание“: „Проел я останощию свою клячу“. Пословицы: Удача-кляча, лишь скачи да кричи.³

Та же самая народно-речевая стихия раскрывается и в фразеологии „Послания“.

Бить челом — в ироническом понимании. „Послание“: „А челом бы тебе ударил гостинцы — да нечем“. Пословицы: Ты мне не здорово, а я тебе не челом.⁴ Чело свербит — кланятьсяя некому.⁵

Хлеб да соль. „Послание“: „А хлеб да соль у нас про тебя на воротах“ (иронич.). Пословицы: Хлеб-соль за ворота и колом не разворотишь.⁶ Велика твоя хлеб-соль, а все корочки.⁷

См. также выражения: впредь пригожусь, не учинить лжи, с голоду уморить, проел животишки, милость покажи, людей насмешись, чести не знашь, пожалуй к нам ни ногою. Ср. с пословицами: Где любят — тут не учащай, а где не любят, — туда ни ногою.⁸ Живет за рекою, а к нам ни ногою.⁹ Живи, колотило, за рекою, а к нам ни ногою.¹⁰ Ср. также в „Повести о попе Савве“: Аще живет и за рекою, а в церкву ни ногою.

Кроме того, идиоматические выражения: живеш⁶ вкупе, завернется в пупе, толчешь в ступе и т. д.

Автор „Послания“ широко знает русскую пословицу, он мыслит образами, характерными и для нее. Например, образ незваного гостя в русских пословицах: „Званный — гость, а незванный — пес, не чорт его нес“ (Даль, стр. 873). „Прямой болван, что пришел незван“ (там же). „Незванные гости гложут и кости“.¹¹ Есть много пословиц про невежливого, назойливого, бестактного гостя: „Гость бесстуж, посидеть любит“.¹² „Ксы, гостья, с двора, домой тебе пора“.¹³ „Гостя бесстыдна пивом не выгнать“.¹⁴

Такие бытовые понятия, как ворота, двор, и в „Послания“, и в пословицах также связываются с незванным гостем. „Послание“: „А хлеб да соль у нас про тебя на воротах“. Пословицы: От чужих ворот живет и поворот. Милости просим мимо ворот щей хлебать. Мимо нашего стола (двора) дорога столбова.¹⁵

„Послание“, как и другие сатиры XVII века, написаны в строе устного народного рашного стиха, который в своей истории тесно сближается с пословицей, вырастая на единой с ней почве народной культуры.

Да велел ты, господине, взяти ржи,
И ты, господине, не учини в ней лжи.

¹ Пословицы всенароднейшие, № 2412.

² Там же (Пословицы XVIII в.), № 500.

³ Там же, № 2337.

⁴ Там же, № 2242.

⁵ Там же, № 2596.

⁶ Там же, № 2453 (Пословицы XVIII в.), № 1129.

⁷ Там же, № 1130.

⁸ В. Даль. Пословицы. 1860, стр. 872.

⁹ Пословицы всенароднейшие, № 979.

¹⁰ Там же, № 1005.

¹¹ Там же (Пословицы XVIII в.), № 443.

¹² Там же, № 592.

¹³ Там же, № 2780.

¹⁴ Там же (Пословицы XVIII в.), № 570.

¹⁵ Последние примеры — из словаря Даля.

См. также переделку этих строк в „Послании дворянина дворянину“:

Да писал бы, государь, немало,
Да за великий смуток разума не стало.

„Послание дворительное“, примыкая по своей сатирической направленности ко всему циклу посадских сатир второй половины XVII века, сближается по форме с сатирами-пародиями на различные виды деловой письменности — челобитные, судные дела, росписи приданого и т. д. Публикуемый памятник расширяет наши представления о своеобразной литературе посадской демократической интеллигенции — литературе, отразившей протест против феодально-крепостнических порядков и питавшей оппозиционные настроения против них.

При передаче текста, конец которого сохранился, внесены следующие изменения: произведена разбивка на строки, раскрыты выносные буквы, убраны буквы ъ, ѳ, введена современная пунктуация, ъ для выносных согласных поставлен в скобках как предположительный.

Пользуюсь случаем выразить мою признательность за консультацию по истории русского посада старшему научному сотруднику Института истории Академии Наук СССР К. Н. Сербиной.

ПОСЛАНИЕ ДВОРИТЕЛ[Ь]НОЕ НЕДРУГУ

- л. 281 об. Господину, имя рек,
Имя рек челом бьет,
И еще тебе, господине, добро доспею,
Ехати к тебе не смею:
5 Живеш[ь] ты, господине, вкупе,
А толчеш[ь] в ступе.
И то завернется у тебя в пупе,
Потому что ты добре опаль[ь]чив вкруте,
И яз твоего величества не буюс[ь] —
10 И впред[ь] тебе пригожус[ь].
Да велел ты, господине, взяти ржа,¹
л. 282. И ты, господине, не учини в ней лжи.
Чтобы, господине, мне очи твои радостно видет[ь].²
А тебе б пожаловати та моя рожь отдать.
15 Добро тебе надо мною подворит[ь],
И в такой старости з голоду не уморити.
И тебе, господину моему, недостаток³ своих — что проел
Животишек — не забыл.⁴
И я на тебя к богу плачюся,⁵
20 Что проел я остошною свою клячу.
И ты, господине, на благочестие уклонися,
А нам смилуйся, поплатис[ь].
Милость покажи,
л. 282 об. Моей бедности конец укажи.
25 А докуду твоег[о] платежу ждат[ь],

¹ Следовало ржи.

² Следовало: видати.

³ Может быть следует читать не до статов (не до наследства).

⁴ Написано неразборчиво. Может быть следует читать не забыть В таком случае чтение строк 17 и 18 иное: И тебе, господину моему, не до статов своих. Что проел животишек — не забыть.

⁵ Следовало плачу.

- И я а¹ том не тужу,
 И сам себе не разсужу.
 А тебя не ведаю как положить²
 И чем тебя одети.
 30 Шубою тебя одети —
 И тебе опрети.
 А портным одети —
 И ты здрожиш[ь],
 У нас убежишъ,
 35 И людей насмешиш[ь],
 А себя надсадиш[ь].
 А челом бы тебе ударил гостинцы — да нечим,³
 Потомучто много к тебе послати не смею:
 И ты все обрешь —
 40 Чести не знаеш[ь].
 А мало послати к тебе не смею:
 л. 283 Боюс[ь] тебя, сердца,⁴ ушибеш[ь]ся⁵
 И гостинец не примеш[ь].
 И ты нам дай сроку ненадолго,
 45 И мы, как здумаем,
 И тебе что нибуд[ь] пошлем.
 Да пожалуй к нам в гости ни ногою,
 А мы тебя не ждемъ,
 И ворота запираем.
 50 А хлеб да сол[ь] у нас про тебя на воротах
 Гвоздием прибита.
 И писат[ь] было к тебе не мало,
 Да разуму не стало.
 И ты, пожалуй, на нас не пеняй...

¹ Следовало о том.

² Перед этим возможно пропущена строка, вроде такой: И ты к нам в гости обещался.

³ Надо нечем.

⁴ Приложение типа: тебя — света [моего].

⁵ Следовало ошибешься.

Характерно, что „рожь“ обязательно тянет за собою рифму „ложь“. Также и в пословице: Красно поле рожью, а слово с ложью.¹ В по-

макиа догитаномы / во збо
 дтии (таи) до орбачи / срѣ
 аинограда до ратиши / му / в
 коски сди / роно / му / и / рѣ
 Послание дворително недругу
 Гдѣмъ / и / рѣ / че
 до / да / и / щѣ / стѣ / от / гдѣ / до / ро
 до / стѣ / в / ха / сти / и / те / бѣ / ни / стѣ / в
 до / ма / стѣ / ти / гдѣ / и / му / в / до / во
 че / в / ста / ти / и / ко / му / а / в / не / ста / ти
 у / то / во / и / ма / стѣ / в / по / до / му / че / сто
 та / ки / до / ор / бо / га / ни / до / р / че / стѣ / в
 ки / та / ки / до / ор / бо / га / ни / до / р / че / стѣ / в
 во / стѣ / стѣ / во / при / го / ди / до / ма
 а / та / ки / до / ор / бо / га / ни / до / р / че / стѣ / в

„Послание дворительное недругу“ Рукопись XVII века.

Государственная Библиотека СССР имени В. И. Ленина, из собрания
 б. Троице-Сергиевой лавры № 808 (1008), лист 281 об.

садской сатире XVII века легки переходы материала из повести в пословичный обиход и обратно.

„Послание“

И писать было к тебе немало,
 Да разуму не стало.

Пословица

Говорить было немало,
 Да разуму не стало.²

¹ Пословицы всенароднейшие, № 1232.

² Там же, № 639 и (Пословицы XVIII в.) № 1183.